
МАТЕРИАЛЫ

Общества Изучения Тверского Края

Выпуск 6.

Апрель 1928.

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ ТВЕРСКОГО КРАЯ

МАТЕРИАЛЫ

Общества Изучения Тверского Края

под редакцией А. Н. Вершинского и К. И. Никольского

ВЫПУСК 6

АПРЕЛЬ 1928

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.		Стр.
<u>С. А. ФЕССАЛОНИЦКИЙ.</u> Пушкин в кругу старицких дворян	3	<u>П. Н. КОРЕЛИН.</u> Новое о С. Л. Перовской	65
<u>Б. И. КОПЛАН.</u> А. М. Бакунин и В. В. Капнист	27	<u>П. Н. КОРЕЛИН.</u> О. В. Аптекман в Тверской губ.	68
<u>А. Н. ВЕРШИНСКИЙ.</u> Народное обра- зование в Тверской губ. в XVIII веке	47	<u>Н. П. РОГОЖИН.</u> От крепостной де- ревни до звания академика (И. М. Творожников)	71
<u>Я. П. ЦВЕТКОВ.</u> В. В. Андреев—ос- нователь великорусского ор- кестра	62	<u>А. И. ФЕДОРОВ.</u> Тверской Обще- ственно-педагогический кружок. 77	

МАТЕРИАЛЫ

Общества Изучения Тверского Края

под редакцией А. И. Нернштейна и К. И. Никольского

А П Р Е Л ь 1928

ВЫПУСК 6

СОДЕРЖАНИЕ

Печатается по постановлению Совета

Общества Изучения Тверского Края.

Тверь, 30 октября 1927 года.

Ученый Секретарь К. НИКОЛЬСКИЙ.

Тверь. Гостипография им. Карла Маркса.

Гублит № 10332.

Заказ № 1730.

Тираж 750 экз.

Пушкин в кругу старицких дворян.

Пушкин связан со Старицким уездом Тверской губернии благодаря знакомству с Вульфами, происшедшему при посредстве Прасковьи Александровны Осиповой, первым мужем которой был Николай Иванович Вульф.

С семьею Осиповой Пушкин особенно сблизился в 1824 году, по приезде в ссылку в псковскую деревню его матери—Михайловское. В поисках избавления от наполнявших тогда душу поэта тягот, он часто бывал в соседнем Тригорском, расположенном в двух верстах от Михайловского, у П. А. Осиповой, жившей в своем родовом имении. К этому времени она уже вторично овдовела. С ней проживали в Тригорском и дети от первого ее брака, из которых наиболее частое упоминание о себе в биографии Пушкина находят Анна, Алексей и Евпраксия. Алексей имеет более тесную, чем его сестры, связь с Тверским краем: он владел впоследствии старицкою деревнею Малинниками.

Размеры статьи не позволяют нам рассмотреть отношения между Пушкиным и Вульфами всесторонне, и мы естественно останавливаемся на вопросе об отношениях между Пушкиным и Алексеем Николаевичем Вульфom. Попытаемся осветить его наряду и в связи с другим вопросом—вопросом о пребывании Пушкина в Старицком уезде.

В литературе о Пушкине установилось мнение, и сравнительно прочное, о тесном сближении Пушкина с Вульфom. Так, академик А. Н. Майков причисляет А. Н. Вульфа к „ближайшим приятелям Пушкина“¹⁾; проф. Сиповский, говоря о семье Осиповых, пишет: „... Пушкин... сошелся близко только с сыном Осиповой,—Вульфom“²⁾.

В какой мере правильно это установившееся мнение?

Впервые Пушкин встретился с Вульфom, по всей вероятности, в 1817 году, когда поэт, окончив Лицей, приезжал в родное Михайловское и побывал в Тригорском. Тогда Пушкину было 18 лет, Вульфу же всего—11³⁾. Ясно, что серьезного сближения в это время произойти между ними не могло.

В 1818 году Вульф поступает в Петербургский Горный корпус. Проведя в нем не более года, он уезжает в Дерпт, где под руководством одного профессора готовится к поступлению в местный университет, а затем и поступает в него в 1822 году⁴⁾. В том же университете и тогда

¹⁾ А. Майков, „Пушкин“, СПб., 1899, стр. 169.

²⁾ В. Сиповский, „Пушкин“, СПб., 1907, стр. 223.

³⁾ Вульф род. 17 декабря 1805 года.

⁴⁾ Вульф, поступив на физико-математический факультет, изучал в университете военные науки.

же учился Н. М. Языков, с которым Вульф близко сошелся. На каникулы Вульф приезжал домой, к матери, в Тригорское. Так было и во время летних каникул 1824 года. В начале августа того же года в Михайловское приехал из Одессы Пушкин. К этому времени и может быть отнесено начало сближения Пушкина с Вульфом. Как только последний уехал в Дерпт, между ними завязалась переписка.

Первое письмо Пушкина к Вульфу написано 20 сентября; оно начинается стихотворением:

„Здравствуй, Вульф, приятель мой!
„Приезжай сюда зимой,
„Да Языкова поэта
„Затащи ко мне с собой...

Оканчивается стихотворение так:

„Запируем уж, молчи!
„Чудо—жизнь анахорета!
„В Троегорском до ночи,
„А в Михайловском до света;
„Дни любви посвящены,
„Ночью царствуют стаканы,
„Мы же—то смертельно пьяны,
„То мертвецы влюблены.

В прозаическом окончании письма повторяется та же просьба „...Уговори Языкова...“¹⁾

На горячее желание Пушкина встретиться с Языковым указывает и приписка к цитируемому письму, сделанная сестрой Вульфа Анной Николаевной: „...Пожалуйста отдай тут вложенное письмо [к] Языкову и, ежели можешь, употреби все старание уговорить его, чтобы он зимой сюда приехал с тобой. Пушкин этого очень желает... пришли ответ от Языкова скорее“²⁾.

Поэт настолько занят Языковым и мыслью о встрече с ним, настолько жаждет этой встречи, что самое его письмо оказалось имеющим что-то от стиля языковской поэзии: картина предполагаемого времяпровождения есть, в сущности, не что иное, как разгульно-веселые мотивы поэзии самого Языкова.

Именно это послание Пушкина к Вульфу давало повод к заключению об их сближении. Действительно, общий его тон указывает на появление каких-то элементов близости. Нельзя, однако, не отметить, что в письме сказывается гораздо больший интерес к „поэту Языкову“, чем к „приятелю“ Вульфу.

Через полгода Вульф посвящается Пушкиным в план тайного побега за границу. Для участия в таком секретном предприятии, конечно, нужна была изрядная степень близости и прежде всего—доверие. Но в том же 1825 году происходит следующий эпизод.

Известно увлечение Пушкина А. П. Керн, приехавшей в июне в Тригорское, а в июле увезенной ревновавшей ее к поэту П. А. Осиповой в Ригу. Пушкин из Михайловского, Керн из Риги—переписывались. Вскоре, вслед за Керн, уехал в Ригу и Алексей Николаевич Вульф, также ухаживавший тогда за нею. 14 августа Пушкин спрашивает А. П. Керн: „Что делаете вы с вашим кузеном?“³⁾ Отвечайте мне, но откровенно—и рекомендует дальше: „Отсылайте-ка его поскорее

¹⁾ Переписка, Акад. изд., т. I, стр. 131—132.

²⁾ Там же.

³⁾ Анна Петровна Керн приходилась А. Н. Вульфу двоюродной сестрой.

в университет¹, замечая при этом: „не знаю почему, но я не люблю этих студентов“¹). В письме к Анне Петровне от 22 сентября говорится та же ревность—поэт упрекает ее за письмо к Вульф, уже вернувшегося в Дерпт: „... вы клянетесь мне всеми святыми, что ни с кем не кокетничаете, а между тем вы говорите *ты* вашему кузену, вы говорите ему: я презираю твою мать, ведь это ужасно! Следовало сказать: вашу мать... Не понимаю, что за цель у вас кокетничать с молодым студентом (к тому же не поэтом) и еще на таком почтительном расстоянии... Решено, не правда ли? Никакой переписки,—и ручаюсь вам, что он останется попрежнему влюбленным“²).

Ревность Пушкина имела основания. В это самое время Вульф писал к Керн в таком тоне: „Вот уже целая вечность, что Вы мне не пишете! Что Вы меня забыли, дорогой друг?.. Позвольте мне быть Вашим наперсником, быть хоть чем-нибудь для Вас, когда Вы—все для меня!.. Да, я буду все же любить Вас. Не покидайте меня! Я ничего не прошу! только это забвение,—оно ужасно! Прощайте, мой ангел! Да сохранит тебя Господь! Если у Вас будет минутка свободная,—посвятите ее мне—несколько строк—и Вы сделаете меня счастливым. Прощайте!..“³).

Из двух ухаживателей более счастливым оказался предприимчивый Вульф. Б. А. Модзалевский полагает, что этот факт „не внес холодности в их отношения“⁴). Однако, никаких данных, определенным образом свидетельствующих о продолжающейся близости, начиная с этого времени, мы не имеем. Вероятнее, стало-быть, обратное предположение—что эпизод этот как бы положил предел дальнейшему сближению Пушкина с Вульфом.

Возвращаясь в мае 1826 года к мысли о встрече с Языковым, Пушкин снова пишет к Вульф. Письмо, посылаемое после пережитого, после длительного перерыва в переписке, звучит так: „Вы мне обещали писать из Дерпта и не пишете—Добро“. Из дальнейшего обнаруживается, что неприятные впечатления преследуют еще Пушкина: спрашивая Вульфа о Керн, он называет ее „Вавилонской блудницей“. Но зачем же тогда писать? Сильное желание увидеться с Языковым побуждает к этому: „...я жду вас... Не правда ли, что вы привезете к нам и вдохновенного?“⁵). Скажите ему, что этого я требую от него именем славы и чести России“. Письмо оканчивается повторением этой же просьбы: „...привезите же Языкова и с его стихами“⁶).

Давнишней мечте поэта на этот раз суждено было осуществиться: вместе с Вульфом на каникулы в Тригорское приехал и Н. М. Языков. Пушкин получил возможность видаться с „вдохновенным“, говорить с ним и слушать его стихи.

Но вот наступает осень. Прощенный Пушкин—на свободе, далеко от Вульфа. Переписываются ли они? Повидимому, нет. Нет близости, нет внешних поводов—нет и переписки!⁷). Следующее, известное нам,

¹) Переписка, Акад. изд., т. I, стр. 263 (в оригинале по-французски).

²) Переписка, Акад. изд., т. I, стр. 290 (в оригинале по-французски).

³) См. письмо Вульфа от 1 окт. 1825 г. (Б. А. Модзалевский, „А. П. Керн“, Л., 1924, стр. 78—79).

⁴) Б. А. Модзалевский, „А. П. Керн“, Ленингр., 1924, стр. 93.

⁵) Так Пушкин называет Н. М. Языкова.

⁶) Переписка, Акад. изд., т. I, стр. 345—346.

⁷) Заметим, что из переписки Пушкина и Вульфа нам известны лишь письма первого к последнему; что же касается писем к Пушкину Вульфа, то они вовсе неизвестны (были ли они?).

письмо Пушкина к Вульфу относится уже к осени 1828 года, когда поэт, приехав в Малинники, к П. А. Осиповой, написал оттуда своему приятелю довольно шутовское письмо. Но здесь мы сделаем отступление, и вот почему: в годы пушкинских приездов в Старицкий уезд Вульф вел дневник¹⁾, который позволяет создать ясное представление об его личности. Тема — пройти мимо которой нельзя, так как только при условии уяснения особенностей характера Вульфа мы сможем более отчетливо представить себе и характер приятельских отношений между ним и Пушкиным.

II.

Сдав в декабре 1826 года выпускные экзамены, Вульф прожил год в деревне — в Малинниках и Тригорском. Приехав 17 декабря 1827 года в Петербург, он во второй половине августа 1828 года поступает на службу в Департамент Разных Податей и Сборов. Служба, не отнимавшая у Вульфа много времени и не требовавшая особого труда, не представляла для него никакого интереса (он не получал даже жалования). Расставаясь с деревенской жизнью, А. Н. имел много планов. Годичное же пребывание в Петербурге показало, что мечты — одно, а действительность — другое. „С какими удалыми надеждами я ехал сюда! — и сколько их исполнилось? — ни одной!“²⁾ — признается он.

11 декабря Вульф подает прошение об отставке. Съездив в Малинники, он зачисляется, в качестве унтер-офицера, на военную службу и 1 апреля 1829 года прибывает в местечко Пашкане, где находится его полк³⁾.

Но и военная служба не оправдала предположений молодого Вульфа. Он ждал, что приобретет славу и готов был „пожертвовать всем — ради одной возможности достигнуть в сего“ (стр. 35). Но не прослужив еще и года, А. Н. почувствовал приступы разочарования: „Много мне теперь неприятностей... О, самолюбивое честолюбие, ты меня здесь жестоко караешь! — Прощай, мечта славы, не обманешь ты более меня и не заманишь опять в твои пустыни“ (стр. 72). Через некоторое время Вульф констатировал: „Я теперь излечился от... безграничного честолюбия, которое меня закинуло сюда; понятие о моих достоинствах ограничилось тоже“ (стр. 138). После этого понятно, с какою радостью встречает Вульф известие об отставке. „Моя отставка вышла!.. — пишет он. — Не могу опомниться от радости!“⁴⁾.

Таким образом, в результате непосредственного столкновения с действительностью, Вульф узнал жизнь, узнал ее не принаряженною изобретательными мечтаниями, а в том самом виде, какой она имеет в обычной повседневности.

¹⁾ В общем Вульф вел дневник на протяжении 15 лет (1827—1842). Опубликовывался он по частям: одна его часть (1827 г., 1832—1842 г.г.) была опубликована акад. Майковым в книге „Пушкин“ в 1899 году, а другая (1828 г.—начало 1832 года), позднее найденная, — М. Л. Гофманом в 1915 году.

²⁾ Дневник Вульфа. „Пушкин и его современники“, вып. XXI — XXII, стр. 37. В дальнейшем эту часть Дневника не называем и при цитировании ограничиваемся указанием в скобках страниц ее.

³⁾ Вульф участвует сначала в Русско-Турецкой войне, а по заключении мира находится на зимних квартирах в Бабадагской области. С весны 1830 года он следует со своим полком в Россию; весной 1831 г. принимает участие в походе против польских повстанцев; 22 января 1832 г. Вульф уезжает в отпуск, в Тригорское, откуда в конце апреля возвращается в армию и пребывает в ней до выхода в отставку, в 1833 году, в чине штабс-ротмистра.

⁴⁾ Л. Майков, „Пушкин“, СПб., 1899, стр. 200.

В период своей службы—и гражданской и военной—(1828—1833) Вульф предстает пред нами как либерал. Сущность его либерализма раскрывают следующие цитаты: „...самые лица (напр., государя¹⁾)—пишет он однажды—я скорее люблю, чем не люблю, но коль скоро я в них вижу самодержцев, то невольное отвращение овладевает мною“ (стр. 27). Находя „напрасными старания правительств остановить всеобщий ход народов к гражданской свободе“ (стр. 127), Вульф пишет о знаменитом 14 декабря: „Это первая искра пламени, непреодолимо пожирающего злоупотребления и предрассудки, освященные давностью, защищаемые лицами и сословиями, которым они приносят пользу, во вред целых народов и человечества“ (стр. 99). Но кто же уничтожит эти „злоупотребления и предрассудки“? Вульф надеется, что необходимые государственные преобразования в России будут произведены, как это ни странно, по инициативе того, кто самому же ему ненавистен: „...четыре нами прожитые под державою Николая года подали надежду, что мы не будем вынуждены силою с престола взять закон и права естественные и гражданские, а сам монарх нам их отдаст“ (стр. 99). Таким образом, высказываясь против самодержавия, и признавая правительства бессильными в борьбе с „пламенем, пожирающим злоупотребления“, Вульф в то же время верит, что нужные блага иногда могут быть даны народу и самим правительством.

Свои политические взгляды Вульф высказывает в Дневнике довольно редко. Гораздо чаще встречаются упоминания о читаемых им книгах. Он много читает и больше всего—художественную литературу. По прочтении произведения Вульф нередко записывает и свои суждения о нем. При этом он отмечает заинтересованность, постепенное нарастание интереса, или же ставит такие вопросы: является ли произведение картиною нравов того времени, к которому относятся изображаемые в нем события? как очерчены образы героев и их характеры? нет ли лишних лиц? связаны ли между собою происшествия? Не проходит Вульф и мимо особенностей стиля, но в этих случаях он выражается чаще всего самыми общими замечаниями, например, „слог чист и правилен“, „не разнообразен и холоден“. Надо сказать, что суждения Вульфа о литературных произведениях иногда очень близки к истине. Одно время Вульф сам намеревается заняться литературной работой: начинает переводить Ван дер Вельде и собирается описать свою студенческую жизнь, но поступление на военную службу препятствует осуществлению этих намерений.

Алексей Николаевич
ВУЛЬФ.

С акварели Н. Шаде.

¹⁾ Николая I.

Но чаще всего Вульф говорит в Дневнике о волокитстве за женщинами. Последние интересуют его исключительно с точки зрения чувственных наслаждений, изобретаемых услужливым воображением. Отсюда и отношение его к женщине определяется только двумя моментами—сближением и получением наслаждений. Остановимся же на характернейшей для Вульфа черте несколько подробнее.

Считая себя плохим практиком в завоевании женских сердец, но хорошим теоретиком ¹⁾, Вульф заботится о достижении сближения наискорейшим и наикратчайшим путем, минуя „уверения в любви“ и прочий „влюбленный бред“. Его интересует не стадия нежностей, а удовлетворение запросов прихотливой чувственности.

Как человек чрезвычайно уравновешенный, Вульф почти никогда не теряет самообладания и даже больше того: остается очень сдержанным. „Любить меня было ее единственное занятие ²⁾, —записывает он,—исполнять мои желания—ее блаженство; быть со мною,—все, чего она желала.—И эти пламенные чувства остались безответными! Они только согревали мои холодные пока чувства. Напрасно я искал в душе упоения! Одна чувственность говорила.—Проводя с нею наедине целые дни... я провел ее постепенно через все наслаждения чувственности... и надобно было всю холодность моего рассудка, чтобы в пылу восторгов не переступить границу,—ибо она сама, кажется, желала быть совершенно моею“ (стр. 43). Лишь в редких случаях Вульф изменяет принципам, им исповедуемым.

С течением времени, не удовлетворяемый однообразием, он начинает соблазняться „приманкой новизны“, при чем ему бывает очень досадно, если женщина, связь с которой его уже больше не интересует, не может сразу остудить свои чувства, им же искусно в ней вызванные; все ее страдания, мучения мало беспокоят холодного и отчасти жестокого Вульфа: он лучше не обратит на них никакого внимания, чем откажет себе в новых наслаждениях, в удовольствии завоевания новой, как он говорит, „красавицы“.

„...[я] никак бы не желал... родить [к себе] страсть [в женщине]: это скучно. Я желаю только нравиться, занимать женщин, а не более: страсти отнимают только время; хорошо ежели не имеют дурных последствий“ (стр. 39)—так формулирует Вульф свое любовное credo. Ясно, что при таком отношении к женщине Вульф не мог быть сторонником идеи брака. Но все-таки, как же он смотрит на брак? Предоставим ответное слово самому Вульфу: „Если я буду иметь столько власти над собою, что удержу себя от искушения жениться, то желание найти женщину, которая захотела бы со мною жить единственно по своему произволу, без всяких церковных и гражданских обязанностей, было бы единственное, которым я бы утруждал небеса. Впрочем, мне можно бы решиться на супружество, ибо всегда можно отыскать благопристойный предлог к разводу, особенно с деньгами“ ³⁾.

Любовь, по определению Вульфа,—„пламень все оживляющий“ (стр. 193). В этом пламени, несмотря на всю свою рассудочность, постепенно сгорал он сам, сгорал и его аристократизм. В период военной службы он начинает обращать внимание уже и на представителей тех слоев общества, которые стоят ниже дворянского. Это обстоя-

¹⁾ Вспоминая о волокитстве своем за кузиной Ек. Ив. Гладковой, Вульф находит, что он „не умел постепенно ее развращать, врать ей, раздражать ее чувственность“ (стр. 88).

²⁾ Речь идет об Елизавете Петровне Полторацкой.

³⁾ А. Майков, „Пушкин“, СПб., 1899, стр. 219—220. Вульф остается холостым до самой смерти (17 апр. 1881 г.).

тельство имело решающее значение для последующих лет жизни Вульфа. Поселившись, по выходе в отставку, в деревне, он безудержно отдается удовлетворению чувственности ¹⁾. Последняя же, будучи основана на рассудочности и эгоистичности, вытеснила все имевшиеся в нем элементы незаурядности.

Такова, в самых общих чертах, личность этого человека. Перейдем же теперь к вопросу о пребывании Пушкина в Старице и ее окрестностях.

III.

В сентябре 1828 года Пушкин жил в Петербурге. Там же служил Алексей Вульф и там же в это время были П. А. Осипова и ее дочь Анна Николаевна, собиравшиеся уже домой, в Малинники. 12 сентября Вульф записал в своем Дневнике: „Я видел Пушкина, который хочет ехать с матерью в Малинники, что мне весьма неприятно, ибо оттого пострадает доброе имя и сестры и матери, а сестре и других ради причин это вредно“ (стр. 9).

При внимательном изучении вопроса об отношениях между Пушкиным и Прасковьей Александровной Осиповой, между Пушкиным и Анной Николаевной Вульф можно усмотреть долгое и, повидимому, безответное увлечение им со стороны обеих. Нравнодушные первой, повидимому, не обнаруживалось, скрываясь под видом хорошего знакомства, равнодушные же второй не скрывались вовсе. Такая неодинаковость отношений этих женщин к Пушкину и подчеркивается приведенной из Дневника цитатой: в то время как Вульф беспокоится, что имя матери только пострадает (от светских сплетен), имя сестры не только пострадает, но ей „и других ради причин это вредно“. Под причинами Вульф разумеет, конечно, то обстоятельство, что лишняя встреча с поэтом влюбленной в него Анны Николаевны может явиться препятствием к исчезновению тех чувств, которые у нее были по отношению к Пушкину.

П. К. Губер запись Вульфа под 12 сентября рассматривает иначе ²⁾. По поводу ее он лаконично замечает, что Вульф ошибался. В чем? Очевидно, в предположениях относительно ухаживаний Пушкина за матерью и сестрой, ибо самая ошибка объясняется незнанием Вульфом того обстоятельства, что романы Пушкина с П. А. Осиповой и А. Н. Вульф ³⁾ „были уже позади и совсем другие женские образы занимали его [Пушкина] воображение“. Несостоятельность подобного толкования вульфовских слов обнаруживается тотчас же, как только мы поставим вопрос: мог ли Вульф вообще не знать того, что происходило в семье? Конечно, нет! А раз так, он должен был знать о равнодушии Пушкина. После этого совершенно невозможно думать, что Вульф предполагал возможность ухаживания Пушкина за его матерью и сестрой. Значит, ставить вопрос так, как ставит его П. К. Губер, нельзя. Что же касается причины неприятного состояния Вульфа при известии о поездке Пушкина в Малинники, то, повторяем, ее следует искать в увлечении поэтом П. А. Осиповой и ее дочери, увлечении, начавшемся еще в михайловский период и продолжавшемся в то время, когда поэт, как старший их знакомый, ехал к ним, в 1828 году, в Малинники.

¹⁾ „Рассказывают, — пишет М. А. Гофман, — что в Малинниках А. Н. устроил себе гарем из 12 крепостных девушек; кроме того, он присвоил себе *jus primae noctis*“ („Пушк. и его совр.“, выпуск XXI—XXII, стр. 256). (*Jus primae noctis* — право первой ночи).

²⁾ См. П. К. Губер, „Дон-Жуанский список Пушкина“, П., 1923, стр. 211.

³⁾ П. К. Губер склонен освещать отношения их в виде взаимных романов. Были ли последние — вопрос чрезвычайно спорный.

Кончавшееся лето 1828 года, бурное в жизни Пушкина, не уносило с собой причин, делавших его бурным. Осень грозила быть также „бурной“. И лучшим уходом от новой опасности оказывался отъезд в деревню, где отрицательные моменты столичной жизни, постоянно истощавшей нервы поэта и сообщавшей ему лишь одно беспокойство, не могли уже иметь над ним своей силы ¹⁾.

Пушкин, собиравшийся ехать в Малинники вместе с П. А. Осиповой, задержался, и Осипова с Анной Николаевной Вульф уехали из Петербурга 25 сентября ²⁾.

В первой половине октября поэт пишет „Полтаву“, а 19 числа участвует в товарищеской сходке лицеистов. Протокол празднования лицейской годовщины в 1828 году, написанный рукою Пушкина, оканчивается следующим образом: „И завидев на дворе час первый, а стражу вторую, скотобратцы разошлись, пожелав доброго пути воспитаннику императорского Лицея Пушкину—французу“ ³⁾. На этом же протоколе, вслед за подписями, помещено четверостишие Пушкина:

„Усердно помолившись Богу,
„Лицею прокричав ура,
„Прощайте, братцы. Мне в дорогу,
„А вам в постель уже пора.

Ночью на двадцатое поэт отправляется в Малинники, куда и прибывает, по всей вероятности, 23 октября (дорога от Петербурга до Малинников занимала тогда, в среднем, 3¼ суток).

Находясь в гостях, поэт не оставляет свои литературные занятия. 27 октября он заканчивает посвящение „Полтавы“. Потом в центре внимания поэта оказывается привезенная с собой VII глава „Онегина“, заканчиваемая 4 ноября. Окончательной отделке подвергается и „Анчар“, начерно написанный еще в сентябре, а в Малинниках помеченный 9-м ноября. Затем Пушкин пишет „Ответ Катенину“ и отправляет его Дельвигу для напечатания в „Северных Цветах“. Ему же 26 ноября поэт отправляет вместе с письмом и послание Готовцевой. Таким образом, в Малинниках Пушкин выполняет свою текущую работу: отделяет и заканчивает или вновь пишет то, что у него на очереди.

Обстановка, в которой поэт находился в Малинниках, была благоприятной для работы. Это подтверждают его письма. Первое из них адресовано А. Н. Вульфу и свидетельствует о хорошем состоянии духа, при котором написано. Пушкин пишет: „Тверской Ловелас С.-Петербургскому Вальмону здравия и успехов желает. Честь имею донести, что в здешней губернии, наполненной вашим воспоминанием, все обстоит благополучно. Меня приняли с достоуважением и благосклонностью“ ⁴⁾. Не ограничиваясь общими замечаниями, Пушкин указывает и одну подробность своего времяпровождения—легкий флирт, составлявший, на ряду с поездками к соседям и игрой в карты, один из моментов помещичьего быта того времени. Поэт, между прочим, сообщает:

¹⁾ Не к этому ли времени относится передаваемый Анной Николаевной рефрен поэта:

Хоть малиной не корми,

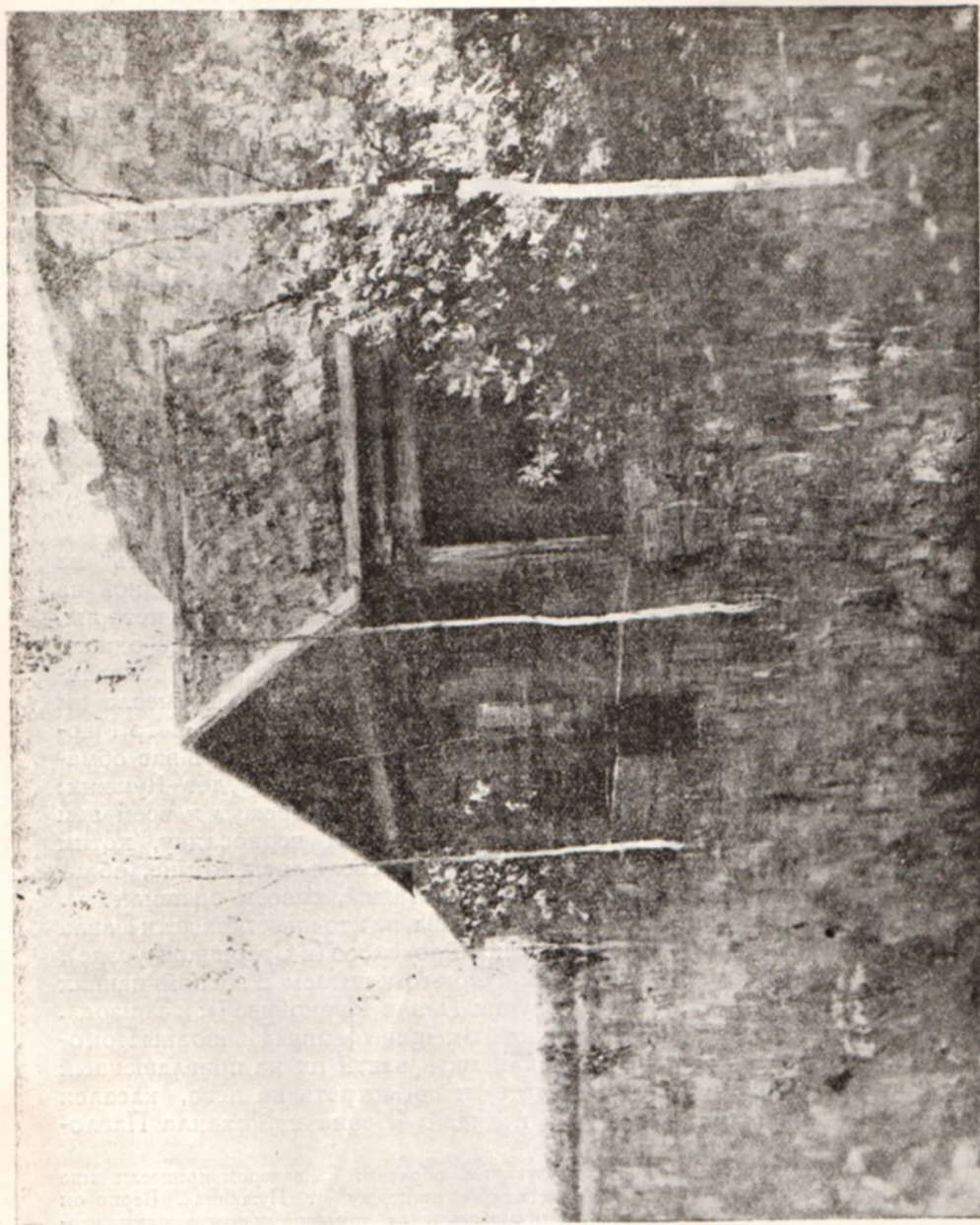
Да в Малинники возьми! („Пушкин и его совр.“, вып. XXI—XXII, стр. 351).

²⁾ М. Клевенский в статье „Русские писатели в Тверской губ.“, помещенной в №№ 21—22 журн. „Тверск. Кооператор“ за 1918 г., говорит, что Пушкин приехал в Малинники вместе с Осиповой. Это неверно. Дневник Вульфа дает точное указание на то, что П. А. Осипова выехала в Малинники 25 сентября, в то время как Пушкин оставался еще в Петербурге.

³⁾ Гаевский, В. П., „Празднование лицейских годовщин в пушкинское время“, „Отечеств. Зап.“, том 139, 1861, № 11, стр. 35.

⁴⁾ Переписка, Акад. изд., т. II, стр. 79.

„При сей верной оказии доношу вам, что Марья Васильевна Борисова¹⁾“

Дом в Малинниках, 6. Старичьего уезда Твер. г., в котором бывал Пушкин.
С картины Вельяшевой, хранящейся в Госуд. Тверском Музее. По фотографии Е. Я. Элленори.

¹⁾ М. В. Борисова—дочь помещика Василия Гавриловича Борисова. О ней впоследствии вспоминала Екат. Евгр. Синицина: „Мар. Вас. Борисова была сирота... Была она очень красивая, имела выразительные глаза и черные волосы. Воспитана она была просто“ (см. В. И. Колосов, „А. С. Пушкин в Тверск. губ.“, Тверь, 1888, стр. 16). М. В. Борисовой в Дневнике Вульфа посвящены такие строки: „Машенька Борисова... не будучи красавицею... имела хорошенькие глазки и для меня весьма приятно картавила. Пушкин, бывший здесь осенью [Вульф приехал домой в то время, когда Пушкин уже уехал], очень ввел ее в славу“ (стр. 46). Из двух противоречивых относительно красоты Борисовой показаний более близко к истине—надо думать—свидетельство Вульфа, записывавшего свои впечатления через год после встреч с Борисовой, тогда как Синицина вспоминала о ней спустя 60 лет.

есть цветков в пустыне, соловей в дичи лесной, перло в море, и что я намерен на-днях в нее влюбиться¹⁾.

В этом письме содержатся, между прочим, очень характерные для личности Вульфа сведения. Пушкин извещает его о разговоре, очевидно, с Елизаветой Петровной Полторацкой: „Требуемые от меня пояснения насчет вашего петербургского поведения дал я с откровенностью и простодушием, отчего и потекли некоторые слезы и вырвались некоторые недоброжелательные восклицания, как, например: какой мерзавец! какая скверная душа!“²⁾

О хорошем же настроении Пушкина говорят и письма его к Дельвигу. Одно из них начинается шуткой: „Вот тебе в Цветы ответ Катенину вместо ответа Готовцевой, который не готов“. О себе Пушкин сообщает: „...мне очень весело... Здесь очень много хороших девчонок... Я с ними воюю платонически, и оттого толстею и поправляюсь в моем здорovie“³⁾. В другой раз Пушкин пишет: „Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здесь думают, что я приехал набирать строфы в Онегина, и страшат мною ребят, как букою; а я езжу на пароме, играю в вист по восьми гривен роббер“⁴⁾.

Интересно отношение соседних помещиков к пребыванию Пушкина в Малинниках: „Соседи ездят смотреть на меня, как на собаку Мунито“⁵⁾, пишет он в одном письме.

Но, интересуясь поэтом, соседи не только ездили „смотреть“ на него, но и, по водившемуся обычаю, приглашали к себе. С одной из поездок Пушкина к соседям-помещикам связана презабавная история, о которой он сам рассказывает так: „На днях было сборище у одного соседа; я должен был туда приехать. Дети его родственницы, балованные ребятишки, хотели непременно туда же ехать; мать принесла им изюму и черносливу и думала тихонько от них убраться; но Петр Маркович их взбудоражил; он к ним прибежал: „Дети! дети! мать вас обманывает! Не ешьте черносливу, поезжайте с нею; там будет Пушкин: он весь сахарный, а зад у него яблочный; его разрежут и всем вам будет по кусочку“. Дети разревелись: „Не хотим черносливу, хотим Пушкина!“. Нечего делать: их повезли, и они сбежались ко мне, облизываясь, но увидев, что я не сахарный, а кожаный, совсем опешили“⁶⁾.

Дети, хотевшие не черносливу, а Пушкина, не кто иные, как дети Павла Ивановича Панафидина⁷⁾, владельца Михайловского (в Старицком уезде), именуемого ныне Курово-Покровским. Об этом читаем в воспоминаниях Анны Николаевны Панафидиной, внучки Павла Ивановича⁸⁾: „Эпизод... о малолетних избалованных детях одной помещицы [Анны Ивановны Панафидиной], которые упорно упрашивали мать взять их на приглашенный обед в честь Пушкина, чтобы увидеть и посмотреть на него, касался моего отца [Николая Павловича] и дядей [Ивана и Михаила Павло-

¹⁾ Вульф реагировал на письмо следующим образом: „...вечером принесли мне письма от матери и сестры, а в последнем милую приписку от Пушкина... Верно он был в весьма хорошем расположении духа и, любезничая с тамошними красавицами, что-бы пошутить над ними, писал ко мне,—но и это очень меня порадовало“ (стр. 23).

²⁾ Переписка, Акад. изд., т. II, стр. 80—81.

³⁾ Переписка, Акад. изд., т. II, стр. 81.

⁴⁾ Дрессированная собака, известная тогда в Петербурге.

⁵⁾ Переписка, Акад. Изд., т. II, стр. 80—81.

⁶⁾ Пав. Ив. Панафидин, женатый на Анне Ивановне, рожд. Вульф, служил во флоте. Племянник его жены—Алексей Ник. Вульф дает ему очень лестную характеристику: „С здравым своим рассудком приобрел он познания, которые в соединении с его благородным, в полном смысле слова, и добрым нравом, делают его прекраснейшим человеком и, по этим же причинам, счастливым супругом и отцом“ (стр. 62—63).

⁷⁾ Воспоминания написаны А. Н. Панафидиной по просьбе ездившего летом 1923 года в Малинники агента Тверского Музея А. М. Голубева.

вичей]. Бабушка моя не хотела их брать, но Петр Маркович Полторацкий, муж ее старшей сестры Екатерины Ивановны Вульф и отец Анны Петровны Керн, поддразнивал их и уговаривал их проситься на обед, сказав им, что Пушкин особенный, весь сахарный и яблочный¹⁾.

Дом Вульфов в с. Бернове, 6. Старикого усада Твер. губ.
С фотографии экспедиции Тверской Педагогической Института (1923 г.).

Самое сборище, на котором произошла встреча поэта с облизывавшимися детьми, было, как нам сообщила Анна Николаевна,—в Пав-

¹⁾ Воспоминания Анны Ник. Панафидиной (рукопись, цитируемая нами с любезного разрешения Анны Николаевны; хранится в Тверском Государственном Музее). Об этом же см. „Пушкин и его совр.“, вып. XXI—XXII, стр. 254—255.

ловском, отстоящем от Малинников в пяти верстах. Оно принадлежало Павлу Ивановичу Вульф, брату Анны Ивановны Панафидиной, человеку очень доброму и радушному и вместе с тем крайне флегматичному. Павел Иванович был женат на немке, вывезенной им из Гамбурга, при возвращении из похода 1812 года. Фридерика Ивановна (имя этой женщины) хозяйка была необыкновенная и притом удивительно добрая и гостеприимная. Она никак не могла постигнуть тайн чистоты русского произношения и говорила так, что весело настроенная родственная молодежь делала ее мишенью своих шутивно-безобидных нападок. Детей у Павла Ивановича и Фридерики Ивановны не было и жизнь их не отличалась особой роскошью. У них-то и был устроен обед в честь гостившего по соседству Пушкина.

Из других мест, которые, возможно, тогда же посещал поэт, следует назвать Берново и Курово—Покровское. Берново, отстоящее в двух верстах от Павловского и семи—от Малинников, принадлежало брату Павла Ивановича Вульфа—Ивану Ивановичу, женатому на Надежде Гавриловне, рожденной Борзовой. Хозяйство Ивана Ивановича благоустройством не отличалось. У него был крепостной гарем „в котором [он],— по замечанию племянника его Алексея Вульфа,—и прижил с дюжину детей, оставив попечение о законных своей жене“ (стр. 64).

О пребывании Пушкина в Бернове рассказывает сын Ивана Ивановича—Николай: „А. С. Пушкин писал свои стихотворения обыкновенно утром, лежа на постели, положив бумагу на подогнутые колена. В постели же он пил и кофе. Не один раз писал так Александр Сергеевич тут свои произведения, но никогда не любил их читать вслух, для других“. Иногда „Пушкин большими шагами ходил по гостиной, обыкновенно вполголоса разговаривая с своим собеседником, чаще, впрочем, с собеседницей“ ¹⁾. По словам Николая Ивановича, поэт проводил в Бернове обычно день или два. По воспоминаниям Бородина, жившего в Бернове, „А. С. был всегда весел, любил танцы, много гулял в саду и по окрестным лесам, не чуждался крестьян и дворовых и часто с ними разговаривал и шутил, и крестьяне его также не чуждались, любили с ним беседовать и считали его за человека доброго, веселого и большого шутника“ ²⁾.

Что же касается заездов Пушкина в Курово-Покровское, то о них говорят следующие строки Воспоминаний Анны Николаевны Панафидиной: „Из рассказов моей родной бабушки Анны Ивановны Панафидиной, рожденной Вульф, и очень умной, образованной и либеральной для своего времени, знаю, что Пушкин не раз был в нашем доме—в Курово-Покровском, и в комнате, называемой „Цветной“, он записал что-то в 7 главу „Евгения Онегина“ ³⁾.

Таким образом, живя в Малинниках, поэт выезжал время от времени и в соседние поместья. Такая жизнь не могла не умиротворить его: хороший прием, оказанный ему Прасковьей Александровной, и беззаботная деревенская жизнь сгладили неприятные впечатления, вывезенные им из столицы.

Проведя в Малинниках почти полтора месяца, Пушкин четвертого или пятого декабря выехал в Москву ⁴⁾.

¹⁾ В. Колосов, — „А. С. Пушкин в Тверской губернии“, Тверь, 1888, стр. 27.

²⁾ И. А. Иванов, „О пребывании А. С. Пушкина в Тверск. губ.“, „Сборн. Тверск. О-ва Любит. Истории, Археологии и Естествознания“, вып. 1, Тверь, 1903, стр. 243.

³⁾ Воспоминания Анны Николаевны Панафидиной (рукопись).

⁴⁾ Клеверский в названной выше работе сообщает, что Пушкин выехал из Малинников в Петербург. Это также неверно. Дневник Вульфа (стр. 38) указывает, что Пушкин выехал в Москву. Сообщение Вульфа не расходится и с другими источниками.

Недели две спустя после отъезда Пушкина, в Малинники приехал из Петербурга Вульф. Очевидно, в связи с „пояснениями насчет его петербургского поведения, данными поэтом с откровенностью и просто-душием“, Вудф записал: „...я узнал все, что здесь делал... Пушкин, клеветавший на меня, пока он тут был“ (стр. 45). Разоблачение Пушкиным любовных походов, которыми Вульф занимался в Петербурге, не понравилось ему и он счел это за клевету.

Приблизившиеся рождественские праздники семейство Вульфов—Осиповых решило провести в Старице, у родственников Вельяшевых. Василий Иванович Вельяшев, старицкий исправник, был женат на Наталии Ивановне, рожд. Вульф, горячо его любившей. Они имели четверо детей. 20 декабря П. А. Осипова, Анна Николаевна Вульф и Алексей Николаевич отправились в Старицу, где для них был нанят особый дом. В Старице же собрались скоро и другие родные.

Не говоря подробно о встречах Вульфа с знакомыми приятельницами, встречах с обмороками и без них, ограничимся лишь общим замечанием, что он раньше всего заинтересовался старицкими „красавицами“. Среди последних особенно выделялась его кузина Екатерина Васильевна Вельяшева, внешний облик которой зарисован им в следующих чертах: „Здесь я нашел... Катеньку Вельяшеву... в один год, который я ее не видал, из 14-летнего ребенка, расцветшую прекрасною девушкою, лицом хотя не красавицею, но стройною, увлекательною в каждом движении, прелестною, как непорочность, милую и добродушную, как ее лета“ (стр. 46). Она была занята любовью своего тридцатилетнего кузена Ивана Петровича Вульфа, служившего в Уланском полку¹⁾.

Собравшееся общество проводило время на балах, которым сопутствовали флирт и муки ревности. На исходе святок, 6 января 1829 года, в Старицу из Москвы приехал Пушкин. Вульф отмечает в Дневнике это событие следующим образом: „В Крещение приехал к нам в Старицу Пушкин... Он принес в наше общество немного разнообразия. Его светский, блестящий ум очень приятен в обществе, особенно женском“. И дальше рассказывает: „С ним я заключил оборонительный и наступательный союз против красавиц, отчего его и прозвали сестры Мефистофелем, а меня Фаустом. Но Гретхен (Катен. В. ²⁾), несмотря ни на советы Мефистофеля, ни на волокитство Фауста, осталась холодною: все старания были напрасны. Мы имели одно только удовольствие бесить Ивана Петровича, образ мыслей наших оттого он назвал американским“ (стр. 50). Пушкин ничего не имел против представлявшейся ему возможности провести время в веселом провинциальном обществе.

Об этом же бале до нас дошли воспоминания одной современницы, тверячки,—Екатерины Евграфовны Синецкой³⁾. „...на семейном бале у... Василия Ивановича Вельяшева...—рассказывает она—я встретила в первый раз А. С. Пушкина... Заметила я... что Пушкин с другим молодым человеком [с Вульфом] постоянно вертелись около Катерины Васильевны Вельяшевой. Она была очень миленькая девушка; особенно чудные у нее были глаза“⁴⁾.

После праздников гости стали разъезжаться. Пушкин с Вульфом поехали в Павловское, к Павлу Ивановичу. Исходя из воспоминаний Синецкой, можно думать, что это было 8 января. Она сообщала В. И. Ко-

¹⁾ Иван Петрович—сын Петра Ивановича Вульфа, владельца деревни Соколово (Старицкого уезда).

²⁾ Екатерина Васильевна Вельяшева.

³⁾ Дочь священника, по смерти которого Синецкая, тогда Смирнова, была взята на воспитание Павлом Ивановичем, владельцем Павловского.

⁴⁾ В. И. Колосов, „А. С. Пушкин в Тверской губ.“, Тверь, 1888, стр. 10—11.

лосову: „Через два дня ¹⁾ поехали мы в Павловское. Приехали сюда так к обеду; следом за нами к вечеру приехал и Александр Сергеевич вместе с Алексеем Николаевичем Вульф“ ²⁾. Последние ехали к Павлу Ивановичу, „взяв по бутылке шампанского, которые морозили, держа на коленях“ (Дневн., стр. 51).

„На другой день,—по словам той же Синицыной,—сели за обед. Подали картофельный клюквенный кисель. Я и вскрикнула на весь стол:

—„Ах Боже мой! Клюквенный кисель!“

—„Павел Иванович! Позвольте мне ее поцеловать!“ проговорил Пушкин, вскочив со стула.

—„Ну, брат, это уж ее дело“, отвечал тот.

—„Позвольте поцеловать вас“, обратился он ко мне.

—„Я не намерена целовать вас“, отвечала я, как вполне благовоспитанная барышня.

—„Ну, позвольте хоть в голову“ и, взяв голову руками, пригнул и поцеловал“ ³⁾.

Вульф в Павловском не остался. Живя дома, в Малинниках, он охотился или, в целях поддержания связей с красавицами, разъезжал по соседям и родственникам. Забота о „занятиях неплатонических“ привела его, между прочим, и в Павловское. Внимание его было направлено на Екатерину Евграфовну. И что же? „...приехав опять в Павловское,—пишет он,—я сделал посещение ей вроде гр. Нулина, с тою только разницею, что не получил пощечины“ (стр. 51).

Синицына об этом эпизоде говорит так: „Один из родственников Павла Ивановича [Алексей Николаевич] пробрался ночью ко мне в спальню, где я спала с одной старушкой—прислугой. Только просыпаюсь я, у моей кровати стоит этот молодой человек на коленях и голову прижал к моей голове...—„Ай, что вы?“ закричала я в ужасе.—„Молчите, молчите, я сейчас уйду“,—проговорил он и ушел. Пушкин, узнав это, остался особенно доволен этим и после еще с большим сочувствием относился ко мне.—„Молодец, вы, Катерина Евграфовна, он думал, что ему везде двери открыты, что нечего и предупреждать, а вышло не то“—несколько раз повторял Александр Сергеевич“ ⁴⁾.

Как Пушкин проводил в Павловском день? „Вставал он по утрам часов в 9—10 и прямо в спальне пил кофе, потом выходил в общие комнаты, иногда с книгою в руках, хотя ни разу не читал стихов. После он обыкновенно или отправлялся к соседним помещикам, или, если оставался дома, играл с Павлом Ивановичем в шахматы... Много играл Пушкин также и в вист. По вечерам часто угощали Александра Сергеевича клюквой, которую он особенно любил. Клюкву с сахаром обыкновенно ставили ему на блюдечке“ ⁵⁾.

Об отношениях между Пушкиным и Павлом Ивановичем у Синицыной находим следующие замечания: „Павел Иванович был... много старше его [Пушкина], но отношения их были добродушные и искренние“. „На Павла Ивановича упади стена, он не подвинется, право не подвинется“ — неоднократно, шутя, говорил Пушкин. Павел Иванович, действительно, был очень добрый, но флегматичный человек, и Александр Сергеевич обыкновенно старался расшевелить его и бывал в большом восторге, когда это удавалось ему“ ⁶⁾.

¹⁾ Курсив наш.

²⁾ В. И. Колосов, назв. брошюра, стр. 11.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же, стр. 14—15.

⁵⁾ Там же, стр. 13—14.

⁶⁾ Там же, стр. 14.

Называя все время имя Е. Е. Синицыной, посвятим два слова ее воспоминаниям. Факты, о которых она говорит, приводит и Вульф. Благодаря этому рассказ Синицыной получает документальное подтверждение. До опубликования Дневника Вульфа Н. Н. Овсянников предпринял совершенно напрасную попытку заподозрить Синицыну во лжи. Он писал: „Можно ли слепо верить ее рассказам? Они напротив кажутся нам искусственными и сложившимися на основании позднейших печатных известий“¹⁾. Дневник Алексея Николаевича вполне доказал отсутствие какой бы то ни было искусственности в рассказах Е. Е. Синицыной. На ряду с этим он позволил исправить и существенную неточность, вкравшуюся в воспоминания, а именно: предположительное отнесение крещенского приезда Пушкина в Старицу к 1827 году. Записи Вульфа дают все основания к тому, чтобы датировать этот приезд поэта в Тверскую губернию 1829-м годом²⁾.

Проведя в Павловском с неделю, Пушкин 16 января отправился в Петербург. Поехали они вместе с Вульфom. Нигде не задерживаясь, но испытав „некоторые прижимки от ямщиков“, играя на станциях в шахматы и пользуясь „всем достопримечательным“, вроде покупки баранков (небольших кренделей) у валдайских красавиц (как их называет Вульф) и завтракая свежими сельдями в Вышнем-Волочке и ухой „из прекраснейших форелей“ в Яжелбицах, Пушкин и А. Н. 18 января, в 8 часов вечера, прибыли в Петербург.

По дороге путешественники говорили „про современные отечественные события, про литературу, говорили о любви и о женщинах, в частности, о тех, с которыми виделись в Старице и ее окрестностях. В результате воспоминаний, Пушкин, перед приездом в Ижоры, написал стихотворение³⁾, посвященное Екатерине Васильевне Вельяшевой и его своим мотивам связанное с ее холодной неприступностью:

„Подъезжая под Ижоры,
„Я взглянул на небеса,
„И вспомнил ваши взоры,
„Ваши синие глаза.
„Хоть я грустно очарован
„Вашей девственной красотой,
„Хоть вампиром именован
„Я в губернии Тверской,
„Но колен моих пред вами
„Преклонить я не посмел,
„И влюбленными мольбами
„Вас тревожить не хотел.
„Упиваясь неприятно
„Хмелем светской суеты,
„Позабуду, вероятно,
„Ваши милые черты,
„Легкий стан, движений стройность,
„Осторожный разговор,
„Эту скромную спокойность,
„Хитрый смех и хитрый взор.
„Если ж нет... по прежнему следу
„В ваши мирные края
„Через год опять заеду
„И влюблюсь до ноября.

¹⁾ Газ. „Московские Ведомости“, 1899, 10 марта, № 68.

²⁾ Ошибка Синицыной объясняется следующими обстоятельствами: когда В. И. Колосов опрашивал ее, ей было 76 лет, а вспоминала она об явлениях, которые наблюдала 60 лет назад.

³⁾ О времени написания его см. „Пушк. и его совр.“, вып. XXI—XXII, стр. 247.

По приезде в Петербург Пушкин принялся за печатание „Полтавы“, а девятого марта покинул его снова, уехав на Кавказ. По дороге поэт задержался на полтора месяца в Москве; в это время он, как известно, сделал предложение Н. Н. Гончаровой, на которое последовал неопределенный ответ, огорчивший его. Прибыв на Кавказ, Пушкин находился в армии, действовавшей под начальством Паскевича, и участвовал в походе через горы Армении... В середине сентября Пушкин снова в Москве и снова находит холодный прием у Гончаровых. Быть может, именно тяжелые впечатления от неудачного сватовства побуждают поэта вновь искать забвения в деревенской тиши. Во всяком случае Пушкин оставляет Москву и едет в Старицкий уезд, куда прибывает не позднее 14 октября. Таким образом, обещая заехать в „мирные края“ через год, поэт, на самом деле, приехал несколько ранее.

Повидимому, Пушкин и на сей раз остановился опять в Павловском. По крайней мере, так можно думать на основании следующих слов Алексея Николаевича, писавшего 16 февраля 1830 года сестре своей Анне Николаевне: „В следующих твоих письмах я верно узнаю, как продолжится и чем окончится любопытный его заезд из Арзерума в Павловское“¹⁾.

Успев уже побывать в соседнем Бернове, Пушкин навещает и малинниковских знакомых. Находясь у них 16 октября, он пишет Вульфу следующее: „Проезжая из Арзерума в Петербург, я... прибыл в Старицкий уезд... Как жаль, любезный Ловлас Николаевич, что мы здесь не встретились! То-то побесили бы баронов и простых дворян“. Последняя фраза, несомненно, связана с воспоминаниями Пушкина об январском его пребывании в Старице, когда они с Вульфом бесили Ивана Петровича, ухаживавшего за Вельяшевой. В дальнейшем поэт сообщает:

„I) В Малинниках застал я одну Ан. Ник. с флюсом и с Муром. Она приняла меня с обыкновенной своей любезностью и объявила мне следующее: а) Евпр[аксия] Ник. и Ал[ександра] Ив. отправились в Старицу посмотреть новых уланов. в) Александра Ивановна заняла свое воображение: отчасти талией и задней частию Кусовникова, отчасти бакенбардами и картавым выговором Юргенева. с) Гретхен хорошеет и час от часу делается невиннее...“

II) В Павловском Фредерика Ив. страдает флюсом; Пав. Ив. стихотворствует с отличным успехом. На-днях исправил он наши общие стихи следующим образом:

Подъезжая под Ижоры
Я взглянул на небеса
И вспомнил ваши взоры
Ваши синие глаза.

Не правда ли, что это очень мило?

III) В Бернове я не застал уже толсто.... Минерву. Она с своим ревнивцем отправилась в Саратов. Зато Netty, нежная, томная, истерическая, потолстевшая Netty, здесь. Вы знаете, что Миллер из отчаяния кинулся к ее ногам, но она сим не тронулась. Вот уже третий день²⁾, как я в нее влюблен.

IV) Разные известия. Поповна (ваша Кларисса) в Твери... Ив. Ив. [владелец Бернова] на строгой диете (..... своих одалисок раз в неделю). Недавно узнали мы, что Netty, отходя ко сну, имеет привычку

¹⁾ Б. Л. Модзалевский, „Поездка в Тригорское в 1902 году“, „Пушкин и его современники“, вып. I, стр. 86.

²⁾ Следовательно, 14 октября Пушкин был уже у Вульфов.

крестить все предметы, окружающие ее постелю. Постараюсь достать (как памятник непорочной моей любви) сосуд, ею освященный. Сим позволяйте заключить трогательное мое послание¹⁾.

Как же Вульф отнесся к веселому и шутливому письму Пушкина, написанному в духе самого Алексея Николаевича? Получив его 15 февраля 1830 года, он записал: „...Дельво... принес большой пук писем. В нем нашлось и два ко мне: оба сестрины... в одном же из них приписку от Пушкина... Как прошлого года в это же время писал он ко мне в Петербург о

тамошних красавицах, так и теперь, величая меня именем Ловласа, сообщает он известия очень смешные о них, доказывающие, что он не переменяется с годами и возвратился из Арзерума точно таким, каким и туда поехал, — весьма циническим волокитой“ (стр. 115). Вульф не понял: Пушкин писал о том, что, по его мнению, могло интересовать Вульфа раньше всего — о старинских „красавицах“. Александра Ивановна Осипова, о которой поэт говорит в письме, — сводная сестра Вульфа, с ней у него была продолжительная связь; Вельяшева; „Минерва“ — Екатерина Ивановна Гладкова²⁾, кузина Вульфа, с ней он также некогда „занимался“; Netty, письма Вульфа к ней в кругу ее

подруг „считались образцами в своем роде“ (стр. 88); поповна — Екатерина Евграфовна Синицына, выгнавшая его из своей спальни — все это лица очень хорошо известные Вульфу. Может быть, Вульф увидел цинизм в заявлении Пушкина о равнодушии к Netty? Но это заявление отнюдь не циническое. „Как Сомов дает нам ежегодно обзоры за

Комната 20—30 годов XIX стол. в „Малинниках“.

С фотографии Пушкинского Дома Академии
Наук СССР.

¹⁾ Переписка, Акад. изд., т. II, стр. 96—98.

²⁾ Настоящее предположение может быть подтверждено следующими соображениями: Пушкин пишет Вульфу: „Минерва с своим ревнивецом отправилась в Саратов“, а через месяц, 24 ноября, Вульф записывает: „Сегодня екатеринин день: именины двух моих двоюродных сестричек. Одна теперь в Саратове... другая в Твери“ (стр. 93). Если подразумевать под „двоюродными сестричками“ Екатерину Ивановну Гладкову и Екатерину Васильевну Вельяшеву, вышедшую замуж только в 1834 году, то первая — Минерва.

литературу,—продолжает Вульф,—так и я желал бы от него [Пушкина] каждую осень получать обзоры за нашими красавицами“ (стр. 115). Словом, Пушкин, в сознании Вульфа,—цинический волокита, на обязанность которого он хотел бы возложить ежегодное поосеннее составление „обзоров за красавицами“! Ясно, что записи Вульфа говорят гораздо больше о нем самом, чем о Пушкине.

Навестив знакомых, живших по соседству с Павловским, Пушкин сосредоточивает свое внимание на литературной работе. Гостя у Павла Ивановича, он пишет первоначальную VIII главу „Онегина“—„Странствие“, ставшую впоследствии девятой. Скорее всего к этому же времени относится и четверостишие Пушкина, посвященное Netty Вульф:

„За Netty сердцем я летаю

„В Твери, в Москве—

„И R и O позабываю

„Для N и W.

Пушкин прожил в Павловском недели три. Из Павловского он поехал в Петербург. Когда он приехал? 10 ноября Пушкин, бывший уже в Петербурге, написал письмо Бенкендорфу, который запрашивал его о причинах самовольного путешествия. Думается, что официальный ответ Бенкендорфу Пушкин не мог задерживать и дал его немедленно же по приезде. Если это действительно так, то можно предположить, что поэт прибыл в Петербург в последних числах первой декады ноября.

Перейдем к следующему, и вместе с тем последнему, приезду Пушкина к Вульфам. В 1833 году поэт, занятый „Историей Пугачева“, столкнулся с мыслью о посещении мест, связанных с пугачевским движением. Выехав из Петербурга 18 августа, он с 20 на 21-е ночует в Торжке, утром 21-го оставляет Торжок и в 8 часов вечера 21-го же прибывает в Павловское.

Н. О. Лернер отмечает прибытие Пушкина в Павловское вечером 22 августа¹⁾. Такого количества времени—полторы сутки—на дорогу от Торжка до Павловского слишком много! Обычно этот путь занимает только половину суток. Так, если поэт выехал из Торжка 21-го утром, то в Павловском он был в этот же день вечером.

Принятие указанной поправки влечет за собою и исправление даты письма Пушкина к жене, написанного им в Павловском. И Н. О. Лернер и редактор Академического издания „Переписки“ В. И. Саитов относят его к 23 августа²⁾, в то время как оно должно быть датировано 22 августа, ибо только в таком случае достигается отсутствие каких бы то ни было расхождений между устанавливаемыми датами и свидетельствами самого поэта. Он пишет: „Вчера [т.-е. 21-го]... в 8 часов вечера приехал я к доброму моему Павлу Ивановичу... Завтра [т.-е. 23-го] чем свет отправляюсь“. Следовательно, Пушкин провел в Павловском ночь, день и еще ночь. При датировании же письма 23-им августа время пребывания его в Павловском сокращается до одной ночи: выехать из Павловского утром 24-го поэт никак не мог, потому что еще накануне он был уже в Яропольце. „В Ярополиц приехал я в среду поздно“,—пишет он в другом письме. 23 августа 1833 года было в среду. Таким образом, бесспорно, что поэт весь день 23-го августа употребил на дорогу от Павловского до Яропольца.

¹⁾ См. Н. О. Лернер, „Труды и дни Пушкина“, СПб., 1910, стр. 285.

²⁾ Н. О. Лернер, указ. труд и Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 34.

После этого хронология указанных событий принимает следующий вид:

1833. Август.

- 21. Утро. Отъезд Пушкина из Торжка ¹⁾.
- 21. 8 часов вечера. Приезд Пушкина в Павловское.
- 22. Письмо Пушкина из Павловского к жене.
- 23. Утро. Отъезд Пушкина из Павловского.
- 23. Поздно вечером. Приезд Пушкина в Ярополец.

О подробностях последнего пребывания Пушкина в Павловском мы знаем из письма его к жене. Он пишет ей: „Ты не угадаешь, мой ангел, откуда я к тебе пишу: из Павловского, между Берновом и Малинниками, о которых, вероятно, я тебе много рассказывал. Вчера, сворота на проселочную дорогу к Яропольцу, узнаю с удовольствием, что проеду мимо Вульфовых поместий, и решился их посетить. В 8 часов вечера приехал я к доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мне, как родному“. Таким образом, начало письма свидетельствует о

Одна из комнат дома в „Малинниках“ (20—30 гг. XIX ст.).
С фотографии Пушкинского Дома Академии Наук СССР.

тех теплоте, сердечности и радушии, с которыми относились друг к другу Пушкин и Павел Иванович. Далее поэт сообщает: „Здесь я нашел большую перемену. Назад тому 5 лет Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями, но уланы переведены, а барышни разъехались; из старых моих приятельниц нашел я одну белую кобылу, на которой и съездил в Малинники; но и та уж подо

¹⁾ 21-ым же августа должно быть датировано и письмо поэта, помещенное в Академич. изд. Переписки под № 736 и помеченное „второй половиной августа“.

мною не пляшет, не бесится, а в Малинниках вместо всех Анет, Евпраксий, Саш, Маш, etc., живет управитель Парасковии Александровны Рейхман, который попотчевал меня шнапсом". На ряду с такими сведениями Пушкин стремится не вызвать к себе подозрений со стороны ревнивицы—жены: "Вельяшева, мною некогда воспетая, живет здесь в соседстве; но я к ней не поеду, зная, что тебе было бы это не по сердцу". Слухи о жене Пушкина, как выдающейся красавице, докатились, конечно, и до тихого Павловского. "Много спрашивают меня о тебе,—продолжает поэт,—так же ли ты хороша, как рассказывают, и какая ты: брюнетка или блондинка, худенькая или плотненькая?" В письме мы, кроме того, читаем: "Здесь обедаюсь я вареньем и проиграл три рубля в двадцать четыре роббера в вист". Но как ни была хороша та обстановка, в которой Пушкин находился в Павловском, он не мог в нем задерживаться. Заехав ненадолго в Ярополец—волоколамское имение его тещи, он в полдень 25 августа был уж в Москве.

Такова история приездов Пушкина в Старицкий уезд. По той роли, которую играют в ней отдельные поместья, на первое место претендуют Малинники и Павловское. До сих пор первая роль признавалась за Малинниками. Между тем, хорошие отношения Пушкина и Павла Ивановича Вульфа и тот факт, что поэт останавливался в Павловском в течение трех своих приездов, показывают, что Павловскому, по сравнению с Малинниками, принадлежит роль несколько не меньшая, если только не большая.

Изложенная история есть, в сущности, ряд страниц из биографии великого поэта. Заключим же их воспоминаниями Анны Николаевны Понофидиной, повествующей о пребывании Пушкина на территории Старицкого уезда со слов своей бабушки Анны Ивановны Панафидиной. "...пребывание Пушкина в... Берновской волости,—пишет она,—было великим событием. Все съезжались, чтобы увидеть его, побыть с ним, рассмотреть его, как необыкновенного человека; но талантом его, как мне казалось из... рассказов, все эти пожилые люди мало восхищались, мало ценили, не понимали всю силу его творчества.

Совсем другое впечатление оставило на моих, тогда совсем еще юных, тетюшках пребывание Пушкина и знакомство с ним. Все они были влюблены в его произведения, а может быть и в него самого, переписывали его стихотворения и его поэмы в свои альбомы, перечитывали их, и до старости лет любили их декламировать на память и чуть не со слезами на глазах, со свойственной тому времени сентиментальностью и романтизмом. Многие очень робкие и наивные девушки, несмотря на страстное желание и благоговение к Пушкину, боялись встречи с ним, зная, что он обладал насмешливостью и острым языком.

Как особенность его, рассказывали, что он очень любил общество женской прислуги—экономок, приживалок и горничных. Одна почтенная старушка, некая Наталья Филипповна, прислуга дяди, Алексея Николаевича Вульф, рассказывала мне, как Пушкин любил вставать рано, и зимой, когда девушки топили печи, и в доме еще была тишина, приходил к ним, шутил с ними и пугал. В обращении с ними он был так прост, что они отвечали ему шутками, называли его "фармазоном", и, глядя на его длинные, выхоленные ногти, называли его "дьяволом с когтями". Эта черта Пушкина очень понятна для такого наблюдателя и толкователя человеческого душ из различных слоев общества [каким он был]¹⁾.

¹⁾ Воспоминания Ан. Ник. Панафидиной (рукопись).

IV.

Нам остается довести до конца анализ вопроса об отношениях между Пушкиным и Алексеем Николаевичем Вульфом. В михайловский период они много беседовали. Но эти разговоры происходили, повидимому, под влиянием одиночества: любой собеседник, тем более студент, да еще развитой, был для поэта, конечно, находкой, которую он рад был использовать. И, может быть, Пушкин действительно имел в виду беседы с Вульфом, когда в 4 главе „Онегина“ писал:

„Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
„Читаю только старой няне,
„Подруге юности моей;
„Да после скучного обеда
„Ко мне забредшего соседа,
„Поймав неожиданно за полу,
„Душу трагедией в углу ¹⁾).

Сблизившись не столько в силу внутренних побуждений, сколько силой внешних обстоятельств, Пушкин и Вульф вынуждены были ограничиться элементарной близостью. Пушкин сам затруднялся ответить на вопрос о том, что их сближало. В письме к Анне Николаевне Вульф от 21 июля 1825 года он, между прочим, пишет: „... вчера Алексей и я говорили 4 часа под-ряд. Никогда у нас еще не было такой долгой беседы. Угадайте, что нас вдруг так сблизило? Скука? Сходство наших чувств? Не знаю право“ ²⁾.

М. А. Цявловский, затрагивая в своей статье о Дневнике Вульфа этот же вопрос, говорит: „О том, что их сближало, прекрасно говорят сохранившиеся письма поэта к Вульфу, комментарием к которым служат записи о Пушкине в дневнике его приятеля“ ³⁾. Но мы уже видели, что в письмах, даже указывающих на начинавшееся сближение, Пушкин интересуется больше Языковым, нежели своим приятелем. В случайных же письмах из Малинников он пишет лишь то, что интересно Вульфу. Эти письма являются блестящими образцами того, как Пушкин писал людям неблизким и вместе с тем свидетельствуют об известном всем свойстве Пушкина разговаривать на языке собеседника.

Не указывают на близость и записи Вульфа о поэте. Они, напротив, удивляют своей резкостью. Выражение по адресу Пушкина—„циничный волокита“—нами уж приводилось. Приводилось также и замечание о „клевете“ поэта на автора Дневника. Недоброе отношение Вульфа к Пушкину особенно чувствуется в следующей записи о женитьбе Пушкина на Гончаровой, „первостатейной московской красавице“: „Желаю ему быть счастливым, но не знаю, возможно ли надеяться этого с его нравами и с его образом мыслей. Если круговая порука есть в порядке вещей, то сколько ему бедному носить рогов,—это тем вероятнее, что первым его делом будет развратить жену.—Желаю, чтобы я во всем ошибся“ (стр. 124). Вульф, действительно, ошибся. На ряду с этим он обсуждает даже перспективу волокитства за женой поэта: 20 ноября 1831 года, Вульф пишет сестре Анне Николаевне: „По твоим словам Пушкин должен быть теперь уже женат; но я не столько нетерпелив видеть госпожу

¹⁾ Пушкин читал А. Н. Вульфу „Бориса Годунова“.

²⁾ Переписка. Академич. изд., т. I, стр. 239 (в оригинале по-французски).

³⁾ М. Цявловский, „Дневник Вульфа“, („Гол. Мин.“, 1917, № 2, стр. 282—283).

Пушкину, потому что я себя изведаль и смиряюсь¹⁾. Недоброжелательность Вульфа по отношению к Пушкину станет еще очевиднее, если мы сравним отношение его к Пушкину с отношением к Языкову. „Николай Мих. [Языков]—пишет он—есть один из тех людей, которых я более всего люблю: мне кажется, что для него я был бы готов пожертвовать любовницею“ (стр. 81). Жертва для Вульфа не малая, но он на нее идет,—для Языкова. К Пушкину же отношение—иного сорта: не ему Вульф уступает любовницу, как он выражается, а не прочь был бы, при наличии соответствующих обстоятельств, завести интригу с его женой. Вспомним и эпизод с Керн, которую Вульф, в период страстного увлечения ею Пушкина, привлек на свою сторону, пользуясь тем, что Пушкин, находившийся в ссылке, не имел права выезда из Михайловского и не мог последовать за Керн в Ригу. Вульф с положением Пушкина не считался и, приехав в Ригу, добился поставленной цели.

Среди записей Вульфа о Пушкине особое место занимают те из них, в которых Вульф выставляет себя учеником Пушкина по завоеванию женских сердец,—„напитанным мнениями Пушкина и его образом обращения с женщинами“ (стр. 87). Он говорит однажды: „Молодую красавицу трактира вчера начал я знакомить с техническими терминами любви; потом, по методе Мефистофеля [Пушкина], надо ее воображение занять сладострастными картинами; женщины, вкусив однажды этого соблазнительного плода, впадают во власть того, который им питать может их, и теряют ко всему другому вкус: им кажется все пошлым и вялым после языка чувственности“ (стр. 141).

Можно ли согласиться с Вульфом и признать Пушкина его учителем? Пушкин, имевший свойство разговаривать с неблизкими ему людьми на их же языке, то-есть на темы их более всего интересующие, разговаривал с Вульфом чаще всего о женщинах и об отношениях к ним. Случайные замечания, высказанные им во время таких разговоров, Вульф считал „наставлениями“, и, незаметно для себя, создал по своему образу и подобию облик Пушкина—„учителя“. В этом убеждают нас два факта. Во-первых, Пушкин и Вульф—совершенно различные натуры. Ведь Вульф, как пишет П. Е. Щеголев—„и в жизни остался достойным гнева и жалости эмпириком любви, а Пушкин, для которого любовь была гармонией, изведаль высший восторг небесной любви“²⁾. Во-вторых, как же можно верить Вульфу, если свидетельства самого поэта против него. М. А. Цявловский³⁾ говорит: „... Пушкин об этой „методе“ [приписываемой ему Вульфом] писал (в четвертой главе „Евгения Онегина“, строфа VII):

„Чем меньше женщину мы любим,
Тем больше нравимся мы ей
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей.
Разврат, бывало, хлоднокровный
Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя
И наслаждаясь не любя.

¹⁾ „Пушкин и его современники“, вып. I, стр. 94.

²⁾ П. Е. Щеголев, „Дуэль и смерть Пушкина“, П., 1917, стр. 49.

³⁾ См. М. А. Цявловский, „Дневник Вульфа“ („Гол. Мин.“, 1917, № 2, стр. 286).

Но эта важная забава
 Достойна старых обезьян
 Хваленых дедовских времен:
 Ловласов обветшала слава
 Со славой красных каблуков
 И величавых париков“.

„Строфа эта, как известно, есть повторение того, что писал в 1822 году Пушкин брату: „Чем меньше любят женщину, тем вернее овладевают ею; но это удовольствие достойно старой обезьяны 18-го столетия“. Итак, как видим, „учитель“ говорил не совсем то, что приписывает ему его „ученик“. Нельзя не признать правильность соображений М. А. Цявловского, и, наоборот, более, чем трудно, согласиться с В. В. Вересаевым, который в недавно появившихся „Заметках о Пушкине“ („Нов. мир“, 1927, № 1) находит показания Вульфа правдивыми.

Отзывы Пушкина о Вульфе несравненно мягче вульфовских отзывов о нем; но и они указывают на далекость, существовавшую в отношениях между ними. К осени 1825 года Пушкин, как мы видели, довольно хорошо узнал Вульфа и понял разницу между ним и собой. Тем не менее Пушкин ценил и то немалое, чем он пользовался от Вульфа в михайловский период. И это чувство благодарности осталось у поэта на всю жизнь. В 1831 году он вспоминает о нем: „В конце 1825 года я часто виделся с одним дерптским студентом... Он много знал, чему научаются в университетах, между тем как мы с вами выучились танцевать. Разговор его был прост и важен. Он имел обо всем затверженное понятие, в ожидании собственной проверки. Его занимали такие предметы, о которых я и не помышлял“¹⁾. Такие отзывы Пушкина обнаруживают присущее ему отношение к людям вообще. Но не более того.

Повторяем: близость между Пушкиным и Вульфом могла быть лишь на самой заре их отношений. Говорить же о ней на протяжении всего их знакомства нельзя, так как для этого нет никаких оснований.

¹⁾ Пушкин. Сочинения, изд. „Просвещение“, т. VI, стр. 535.

Таблица имен представителей фамилий Вульфоз и Панафидиных, упоминаемых в статье.

Соколов.	Манинники.	Павловское.	Берново.	Курово-Покровское.					
Б р а т ь я					с е с т р ы				
Петр Иванович Вульф. (1708—1832).	Николай Иванович Вульф (ум. в 1813 г.).	Павел Ив. Вульф.	Иван Ив. Вульф (1776-1860)	Анна Ивановна замужем за Павлом Ивановичем Панафидиным.	Наташа Ивановна замужем за Вас. Ив. за Петром Марковичем Потапорецким.				
жена Праксодья Александровна.	жена Фридерика Ивановна.	жена Надежда Гавриловна, рожд. Борзова.							
Сын:				Дети их:	Дочь их:	Дети их:			
Иван.				Екатерина по мужу Гадкова.	Иван	Анна, по первому мужу Керн.			
				Анна—Nelly, в 1834 году вышла замуж за В. И. Гувельдара.	Михаил	Елизавета, по мужу Решко.			